

Михаил Веллер

Легенда о Лазаре

*Часть сборника
Легенды Невского проспекта
(сборник)*

Легенды Невского проспекта

Михаил Веллер
Легенда о Лазаре

«АСТ»

1993

Веллер М. И.

Легенда о Лазаре / М. И. Веллер — «АСТ», 1993 — (Легенды Невского проспекта)

«Его папа был довольно известный и даже процветающий пианист. Он не унаследовал от папы музыкальный слух; то есть слух у него был, тонкий и даже изощренный, но являл себя он только на звон денег, безошибочно различая и выделяя это сладкозвучие среди самой шумной какофонии социалистического строительства. Зато унаследовал Лазарь от папы то комбинаторское устройство всех способностей, которое и позволяет из семи всего-то нот октавы строить самые неожиданные и богатые мелодии...»

© Веллер М. И., 1993

© АСТ, 1993

Содержание

I. Вундеркинд	5
II. Воспитание трезвости	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Веллер

Легенда о Лазаре

I. Вундеркинд

Его папа был довольно известный и даже процветающий пианист. Он не унаследовал от папы музыкальный слух; то есть слух у него был, тонкий и даже изощренный, но являл себя он только на звон денег, безошибочно различая и выделяя это сладкозвучие среди самой шумной какофонии социалистического строительства. Зато унаследовал Лазарь от папы то комбинаторское устройство всех способностей, которое и позволяет из семи всего-то нот октавы строить самые неожиданные и богатые мелодии.

В старинном романе написали бы что-нибудь вроде: он предпочитал играть на арфе жизни, наскучив никчемностью сольфеджио.

Пока маленький Лазарь пел лазаря иностранным туристам (никак не удержаться от дурацкого каламбура – остроумие Галеры само прорывает стиль), клянча жвачку и сигареты с вдохновением бизнесмена, опередившего свою эпоху, – папа пел ему педагогические поэмы под музыкальный посвист ремня. Таким образом ненависть сына к музыке, особенно фортепианной, которая в доме и звучала с утра до ночи, приобрела конкретный и обоснованный характер.

Это ерунда, что после слушания классической музыки хочется всех поймать и ну гладить по головке. Когда Люфтваффе исполнила Европе «Полет валькирий», это окончилось Нюрнбергским трибуналом. Мы не знаем, кого именно из великих композиторов предпочитал Каган-папа, но в семье этот вдохновенный музыкант был сущий зверь.

В пятнадцать лет, после особенно темпераментной сонаты по филейным частям, Каган-сын провел два дня в позе Симеона-столпника (сидеть было неудобно, музыка отзывалась во вспухших ягодицах), прожигая ненавидящим взглядом рояль в отцовском кабинете. И, пока папа давал концерты в филармонии, сын изучал вибрацию рояльных струн под молоточками, и злобно рисовал какие-то схемы.

Назавтра из его шкафа исчезли американские джинсы «Ли», а со стола – литовский магнитофон «Аидас» (не путать с «Адидасом») – атрибуты роскошной жизни центрального подростка. Они перешли в обладание корешу с соседнего двора, который также приобщался к музыке в качестве ученика на Ленинградской фабрике музыкальных инструментов имени наркома всех искусств Анатолия Васильевича Луначарского. В свою очередь, приятель через неделю вручил Лазарю фанерный ящик, из которого торчал шнур с вилкой. Глаза приятеля восторженно блестели, и, передавая это странное устройство, он тряс большим пальцем как знаком высокого качества советской – значит отличной – продукции.

Через десять минут у папы расстроился рояль. Звук плыл, аккорды сливались и фальшивили. Папа лупил по клавишам пальцами и кулаками, бегал вокруг инструмента и совал голову под крышку на манер гильотинируемого.

Лазарь с сочувственным лицом благонаравно учил уроки.

Прискакал вызванный настройщик и, пожимая плечами, обнюхал благороднейший «Стейнвей» от кузова до ножек: звук был чист и безукоризнен, как эталон ноты «ля» в Парижской международной палате мер и весов. Папа дрожал бровями, божился и платил деньги.

Рояль звучал ровно полдня, после чего функционировать отказался: поплыл. Был вызван настройщик, и т. д. (см. выше).

После седьмого сеанса папа нахрюкался изрядно коньяку, пнул свихнувшийся инструмент в подбрюшье и вытер слезы. Через месяц мучений он продал дорогого его сердцу кор-

мильца за полцены, чувствуя себя подлецом, сбывающим тухлый товар. Коллега-покупатель сиял и обнимался, и благодарил папу всю остальную жизнь. Папа же купил «Бехер», немало переплатив.

Здоровья «Бехера» хватило на два дня. Вслед за чем его постигла та же хвороба. Мама заметалась с валерьянкой и мокрым полотенцем: папа трясся на грани удара.

Вызванный настройщик засвидетельствовал дивное здоровье рояля, но тихо выразил маме сомнение в психическом здоровье папы, за что тут же и получил мокрым полотенцем по физиономии от мамы, за что тут же и получил бутылку армянского коньяка и двадцать пять рублей лишних от папы, и, полчаса принимая униженные извинения, укрепился в своих сомнениях, что не помешало ему выразить пожелание ходить сюда на таких условиях хоть каждый день. Хороший был настройщик, известный.

...Погубил Лазаря инженер-резонаторщик. Недаром этих резонаторщиков еще Воланд не любил. Инженер был главным в Ленинграде специалистом по штучным сольным электрогитарам и работал на той же фабрике им. многокультурного комиссара. Он пришел для консультации, послушал удивительный рояль, сделал всепонимающее лицо медицинского светила, закатил глазки и закивал головой. Достал свой приборчик акустической разведки и пошел вдоль стен, как сапер-миноискатель.

Особенно ему понравилась стена, отделявшая кабинет от комнаты Лазаря. Он склонил свою подвижную голову на один бочок, на другой, как ученый попугай, и попросился пройти туда.

Самонадеянный Лазарь, на свое несчастье, был как бы в школе – шлялся и фарцевал копейку в Гостином.

Инженер, под недоуменным присмотром папы с полотенцем на лбу и мамы с подноси-ком кофе и бутербродов в руках, обнюхал комнату и задумчиво посмотрел на фанерный ящик, включенный в розетку. Лицо его дрогнуло и приняло выражение, что называется, неизъяснимое. Ибо он узнал творение рук своих, сляпанное после работы за пятьдесят рублей из нехитрых казенных материалов. Это был такой электрорезонатор, при включении в сеть слегка искажающий частоту акустических колебаний в радиусе пяти метров.

Дальше вдохновенный папа терзал рояль, а инженер в другой комнате то включал свое вредительское творение в сеть, то выключал, заставляя звук «качаться».

Последствия были в духе педагога Макаренко, хватающегося за наган. Музыка была для папы святым. Сын явился вероотступником. Ему гарантировались кары, из которых аутодафе было бы удачным и счастливым выходом. Лазаря отправили трудиться на завод.

И не в какую-нибудь скобяную артель, а в огромный и передовой коллектив пролетарского всесоюзного маяка – завод им. Кирова Сергея Мироновича.

II. Воспитание трезвости

По мысли папы, этого пианиста-интеллигента, работа на заводе должна была оздоровить сына духовно и укрепить попутно физически. Занятый созидательным трудом вместе с простыми и морально чистыми рабочими, Лазарь должен был воспитаться настоящим человеком – трудолюбивым, честным и добрым, на собственной шкуре познавшим, что такое хорошо и что такое плохо.

Из этого прекрасного замысла можно сделать то верное заключение, что папа близко и глубоко знал жизнь рабочего класса, которому и принадлежало его искусство.

Кировский завод работал в основном на оборону. А где оборонка – там спирт. Все ли ясно? По технологии спиртом полагалось промывать все на свете, где требовалась чистота. Учитывая, что секретную эту технологию тоже не американцы составляли, а нормальные советские люди, они наличием спирта просто хотели приманить и закрепить самых квалифицированных рабочих – если искать в этом логику.

Поэтому пили на Кировском заводе ужасно. Как и на любом другом нормальном заводе.

А спирт – это валюта. Бутылкой расплатишься за любую услугу. И чтоб он пропадал, зазря, на заводе, цистернами, – допустить это никто не мог, и Лазарь, влившись в коллектив, тоже не мог. Пили, сколько влезало, и крали, как могли. Охрана ловила. Лазарь же при вступлении в пролетарские ряды дал себе зарок – пойман он больше не будет никогда в жизни.

Редко случается, что зарок, данный себе в шестнадцать лет, человек выполняет всю жизнь. Русской литературе известны только два человека и только один случай – Герцен и Огарев. Лазаря можно считать третьим, ибо данное себе слово он сдержал. Могут возразить, что его деяния имели меньшее общественное звучание, чем подвиги двух великих революционеров. Не скажите. Еще неизвестно, кто нагляднее отображал своей судьбой зреющие в обществе преобразовательные процессы – Герцен в своей Англии или Лазарь в родном Ленинграде. Что же до известности на Невском, тут Лазарь безусловно оставил издателя «Колокола» на три корпуса позади. О Герцене было доподлинно известно лишь то, что имени его – пединститут, где много теплых девочек для кувыркания и иностранных студентов для фарцовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.